

Валентин Рунов

БРУСИЛОВ

Судьба и трагедия генерала

ВОЕННЫЕ ГЕНИИ РОССИИ

Военные гении России

Валентин Рунов

**Брусилов. Судьба и
трагедия генерала**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-8

Рунов В. А.

Брусилов. Судьба и трагедия генерала / В. А. Рунов — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Военные гении России)

ISBN 978-5-4484-5888-0

В книге на основе архивных документов и научных публикаций рассказывается о жизни и боевой деятельности одного из самых известных русских военачальников периода Первой мировой войны, генерала от кавалерии Алексея Алексеевича Брусилова. При этом делается попытка тесно увязать деятельность полководца с событиями российской истории конца XIX — первой четверти XX в., анализируются проведенные Брусиловым операции, исходя из основных принципов военного искусства. В результате этого перед читателем открываются новые стороны личности А. А. Брусилова, которые могут существенно изменить его традиционный образ, отделить вымыслы от фактов.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-4484-5888-0

© Рунов В. А., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Введение	6
Начало пути	10
Боевое крещение	15
Офицерские университеты	19
Кавалерийская школа	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валентин Рунов

Брусилов. Судьба и трагедия генерала

© Рунов В.А., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

* * *

Введение

Мы привыкли гордиться своей военной историей, забывая при этом, что она состояла не только из побед. Даже если уйти от крайне противоречивых в этом плане средних веков, мы имеем разорение страны поляками в начале XVII века, французами в начале XIX века, поражение русской армии в войне с Японией в начале XX века. Победоносные войны дали военной истории громкие имена П.И. Румянцева, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, М.Д. Скобелева, неудачные войны, кроме имени А.Н. Куропаткина, практически не называли никого.

Первая мировая война в истории России занимает особое место. Она потребовала от государства максимального напряжения сил и средств, новых подходов к вопросам военного искусства, но главное – эта война, не достигнув цели на полях сражений, переросла в политическое противоборство ведущих сил государства, которое привело к его коренному изменению на принципиально новых основах. На сухом научном языке эти изменения называли революцией, на простом человеческом – трагедией.

Алексей Алексеевич Брусилов был частью этой истории с ее войной, революцией и трагедией, в которые он вписался в полной мере. Поэтому трудно ответить с уверенностью, чего больше было в нем – полководца, преобразователя или несчастного человека, по воле судьбы вынужденного до конца нести свой мученический крест. Попытаться ответить на этот вопрос можно, только перенесясь в то беспокойное время, но с позиции настоящего это невозможно. Остается только одно – полагаться на документальные свидетельства тех лет и описания современников для того, чтобы хоть немного прикоснуться к прошлой истории и понять тех, кто был вынужден жить в это время.

Научных исследований сражений, проведенных А.А. Брусиловым, не так уж и много. И это не удивительно – их описанием обычно занимаются отставные военачальники, когда приходит пора писать мемуары. Но в Советской России таких военачальников осталось очень немного, а те, что остались, главным образом из-за своего преклонного возраста, вскоре ушли в мир иной. К личности самого Брусилова в нашей стране также не всегда относились однозначно. Поэтому в тяжелое для Советского Союза время его просто подняли на щит, глубоко не вникая в служебные дела и человеческую сущность. На многие годы Брусиловский прорыв стал вершиной военного искусства периода Первой мировой войны.

Трудов и статей, посвященных А.А. Брусилову, достаточно много. Хотя история их появления весьма драматичная. В 1924 году был издан труд «Луцкий прорыв. Труды и материалы к операциям Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 года». О наступлении Юго-Западного фронта, которое позже получило название «Брусиловский прорыв», в своих трудах писали А.М. Зайончковский, А.Н. Де Лазари.

В 1932 году часть личного архива А.А. Брусилова, состоявшая из фотографий, писем, рукописей, заметок, воспоминаний, была передана вдовой генерала на хранение в белоэмигрантский Русский заграничный исторический архив в Праге. Через год после смерти вдовы ее сестра передала в этот архив еще ряд документов и материалов. В 1946 году большая часть Русского заграничного исторического архива была передана в СССР. Там якобы хранились листы рукописи второй части «Моих воспоминаний» А.А. Брусилова, написанные в Карловых Варах в 1925 году, посвященные его жизни и деятельности в Советской России, которые носили ярко выраженный антисоветский характер.

В годы Великой Отечественной войны в СССР возникла необходимость пропаганды военных заслуг российских полководцев. Вспомнили об Александре Невском, Дмитрии Донском, Петре Румянцеве, Александре Суворове, Михаиле Кутузове. Дошла очередь и до Брусилова.

В 1944 году писатель Сергей Сергеев-Ценский публикует книгу «Брусиловский прорыв». В ней на основе исторических фактов излагаются события лета Первой мировой войны. При этом идеализируется роль А.А. Брусилова и, как было принято в то время, клеймится царская бюрократия, мешавшая в полной мере раскрыться таланту полководца. Несмотря на это, в данной книге достаточно хорошо показаны особенности того времени, раскрыта личность А.А. Брусилова как человека и военачальника.

Но завершилась Великая Отечественная война, и некоторые документы Пражского архива оказались в Москве, на Лубянке. В то время в СССР вновь начал закручиваться маховик выявления «врагов народа» и всего, связанного с этим.

В 1948 году руководитель Министерства внутренних дел сообщил И.В. Сталину о найденной рукописи А.А. Брусилова, посвященной советскому периоду, о наличии там негативных оценок советского строя. Безусловно, вождь отреагировал на данное известие соответствующим образом – имя А.А. Брусилова немедленно исчезло со страниц всех печатных изданий. И только после 1956 года, после разоблачения культа личности И.В. Сталина, о генерале, как об одном из наиболее талантливых отечественных полководцев периода Первой мировой войны, начали вспоминать снова.

Определенный «толчок» в этом деле дало то, что за рубежом к Брусилову относились с большим интересом, и имя его неоднократно упоминалось в различных статьях и трудах, посвященных истории русской армии. В 1962 году в «Военно-историческом журнале» была опубликована статья Г. Белова «Русский полководец А.А. Брусилов». В том же году статья об А.А. Брусилове была помещена в газете «Красная звезда».

Безусловно, способствовал воскрешению памяти А.А. Брусилова и тот факт, что на Западе, где проживало еще много эмигрантов из бывшей Российской империи, также проявлялся интерес к личности этого военачальника. В 1968 году в Нью-Йорке выходит труд бывшего полковника российской армии, а затем профессора Евгения Эдуардовича Мессера «Луцкий прорыв». В этом труде не только описываются события лета 1916 года, но также проводится разбор отдельных операций и боев, делаются заключения, формируются выводы. После этого советская военно-историческая наука не могла оставаться в стороне от освещения событий Первой мировой войны и личности А.А. Брусилова.

Но наступили «новые» времена.

В 1989–1991 годах в «Военно-историческом журнале» увидели свет фрагменты из второй части воспоминаний Брусилова, где описывалась его жизнь после Октября 1917 года. На основании этой публикации некоторые отечественные исследователи пересмотрели свои прежние оценки деятельности Брусилова в последний период его жизни. Так, Ю.В. Соколов, ранее подчеркивавший его «искреннюю лояльность по отношению к Советской власти», в опубликованной в 1994 году монографии утверждает, что с октября 1917 года Брусилов был «внутренним эмигрантом». Примечательно, что, по собственному признанию Соколова, рукописи второй части он «не держал в руках, хотя и пытался увидеть ее». Но при этом Соколов «склонен считать, что она подлинная», а антисоветские высказывания «принадлежат самому Брусилову. Вполне допустимо, что некоторые из них могла вписать и Надежда Владимировна – почему бы и нет?.. Но коль скоро Брусилов подписал текст, то, следовательно, он согласился с добавлениями жены».

Думается, что вопрос о достоверности текста, с которым исследователи могут работать только по публикации, не решается столь просто, как это представляется Ю.В. Соколову. Мы не знаем, что именно подписал Брусилов. Известно, что работа над текстом велась уже после его смерти. Какая? Пометы и исправления, сделанные рукой Н.В. Брусиловой на сохранившихся в архивном фонде Брусиловых документах, даже не предназначавшихся для публикации, побуждают к сугубой осторожности при работе с опубликованными текстами. Только после про-

ведения всесторонней источниковедческой экспертизы рукописи может идти речь о научном использовании содержащейся в ней информации.

* * *

Я впервые начал изучать его во время учебы в Военной академии имени М.В. Фрунзе. Причем тогда я, которого учили необходимости решительного массирования сил и средств на направлении главного удара, не понимал, в чем заслуга Брусилова, откровенно пренебрегшего этим принципом. До конца я не понимаю этого и теперь. Ведь еще с древних времен это позволяло решать главную задачу сражения или боя, этим умело пользовались многие полководцы, начиная с Эпоминанда. В то же время нужно учитывать, что наступление больших масс пехоты на хорошо подготовленные, окутанные колючей проволокой и насыщенные пулеметами вражеские позиции всегда ведет к крупным потерям. Может быть, А.А. Брусилов таким образом хотел избежать этих потерь, так как жалел простого русского солдата?

Не похоже. Он приказывал наступать волнами цепей, не считаясь ни с какими пулеметами. Его войска несли огромные потери, а он упорно гнал их вперед, не видя перед собой конечной цели и практически ничего не сделав для того, чтобы в кратчайшее время развить тактический успех в оперативный. Имея массу конницы и являясь в основе своей кавалерийским начальником, он не использовал подвижные войска для развития успеха, выхода на фланги и в тыл отходящему противнику. Но тогда такого термина, как эшелон развития успеха, просто еще не было, а конница постепенно изживала свою роль в общевойсковом бою. У англичан, французов, немцев уже появились танки, но их использовали главным образом как щит, под прикрытием которого пехота могла выйти к переднему краю обороны противника. У русских же танков не было. Потому на пулеметы в первом эшелоне соединений нередко пускали также и кавалерию, превращая ее атаку в форменную мясорубку.

Сложной была личность А.А. Брусилова и в идеологическом плане. Ярый монархист, он с удивительной легкостью воспринял вначале Февральскую, а затем и Октябрьскую революции. Правда, первая ненадолго дала ему должность Верховного главнокомандующего. Но вскоре Временное правительство заявило, что больше не нуждается в услугах этого генерала. И это не удивительно. Брусилов не смог сделать ничего, что могло существенно помешать развалу так горячо любимой им армии. Власть только ловко использовала его имя в своих целях, не дав уже ему практически ничего взамен. Но при этом нужно понимать, что по своему возрасту и состоянию здоровья он уже и не годился на большее.

То же, что происходило с Брусиловым уже после его увольнения с советской военной службы, до сих пор является вопросом острого обсуждения историков. Те разделы его мемуаров, которые были опубликованы женой генерала Надеждой Желиховской уже после его смерти, носят откровенно антисоветскую направленность. Но принадлежат ли они полностью перу Алексея Алексеевича, или это плод ловкой редакции – с полной уверенностью сказать сложно. «Демократы» конца 80-х и 90-х годов утверждали, что данные записки принадлежат именно перу Алексея Алексеевича. Но было слишком много сомневающихся, в том числе из числа профессиональных историков и экспертов. Правда, и эти люди могли состоять на службе у вполне определенных политических сил.

Вопросов слишком много. Частично ответы на них можно найти в мемуарах Брусилова, но при этом надо понимать, что они носят сугубо субъективный характер. Поэтому я, безусловно опираясь на эти мемуары, а также на другие документы, решил взяться за данную книгу прежде всего с целью в очередной раз привлечь внимание читателей к истории Первой мировой войны и биографии одного из наиболее выдающихся русских военачальников того времени. Возможно, кто-то в чем-то со мной будет не согласен, и я хорошо понимаю, что такие люди найдутся. Я не претендую на абсолютную истину моих суждений. Хочу только сделать

очередной шаг в сторону раскрытия данной темы с тем, чтобы другие, увлекшись ею, смогли в своих исследованиях пойти значительно дальше.

Начало пути

Алексей Брусилов родился в 1853 году 19 (31) августа в Тифлисе. Его дальние предки были выходцами из Польши и вели свою родословную от известного польско-украинского дипломата и воеводы Адама Киселя, недруга Богдана Хмельницкого и противника вхождения Малороссии в состав России. Но после Переяславской рады (1653) они присягнули на верность русскому царю и поступили на военную службу. Так, известно, что прадед будущего полководца, Иван Иевлевич Брусилов, в период царствования Петра I служил вахмистром, затем занял должность полкового аудитора (советник по юридическим вопросам строевых офицеров, составлявших основу военного суда того времени), впоследствии получил чин секунд-майора.

Дед нашего героя, Николай Иванович Брусилов, окончил Сухопутный шляхетский корпус. Затем он служил в армии и в 1778 году вышел в отставку также в чине секунд-майора. Он-то и приобрел небольшое имение в Орловской губернии, став на старости лет уважаемым в округе помещиком.

Отец А.А. Брусилова, Алексей Николаевич, родился в 1789 году. В 1807 году он начал службу сотником в кавалерии. Затем, переведясь в армейскую пехоту майором, участвовал в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах русской армии в 1813–1814 годах, за что получил боевые награды и чин подполковника. В Бородинском сражении Алексей Николаевич был ранен. В 1823 году он переходит на гражданскую службу в чине статского советника. Служил в сенате, по ведомству внутренних дел, с 1830–1831 годов был московским, а затем, до 1835 года, – курским вице-губернатором. В 1839 году А.Н. Брусилов вернулся в армию в чине полковника, проходил службу на Кавказе, с 1840 года начальник 4-го отдела Черноморской линии, участвовал в боях с горцами. Там в 1845 году он был произведен в генерал-майоры, а в 1847 году назначен председателем полевого аудитора Отдельного Кавказского корпуса, а в 1854 году – Кавказской армии.

Мать А.А. Брусилова, Мария-Луиза Антоновна, происходила из семьи поляка, коллежского асессора А. Нестоемского. Она была почти на 30 лет моложе своего супруга, но в то время такие браки были не редкостью. Алексей был первым ребенком в семье. В то время Брусиловы жили в Тифлисе (Тбилиси), и в семье все складывалась довольно удачно. Вслед за Алексеем родились еще три мальчика: Борис, Александр и Лев. Александр умер в младенчестве в 1859 году. В 1856 году Алексею Николаевичу присвоили чин генерал-лейтенанта.

Но так продолжалось недолго. В 1859 году, когда Алексею было всего шесть лет, Борису четыре года и Льву два года, от крупозного воспаления легких внезапно скончался Алексей Николаевич, а через несколько месяцев от чахотки умерла мать. После этого сироты были взяты на попечение родной сестрой матери – Генриеттой Антоновной Гегемейстер, жившей в Кутаиси, у которой не было своих детей. Ее муж, Карл Максимович, занимал должность военного инженера. В этой семье братья Брусиловы получили достаточно хорошее начальное домашнее образование.

«Они очень нас любили и заменили нам отца и мать в полном смысле этого слова, – позже писал А.А. Брусилов в своих «Воспоминаниях». – Дядя и тетка не жалели средств, чтобы нас воспитывать. Вначале их главное внимание было обращено на обучение нас различным иностранным языкам. У нас были сначала гувернантки, а потом, когда мы подросли, гувернеры. Последний из них, некто Бекман, имел громадное влияние на нас. Это был человек с хорошим образованием, окончивший университет; Бекман отлично знал французский, немецкий и английский языки и был великолепным пианистом. К сожалению, мы все трое не обнаруживали способностей к музыке и его музыкальными уроками воспользовались мало. Но француз-

ский язык был нам как родной; немецким языком я владел также достаточно твердо, английский же язык вскоре, с молодых лет, забыл вследствие отсутствия практики.

Моя тетка сама была также выдающаяся музыкантша и славилась в то время своей игрой на рояле. Все приезжие артисты обязательно приглашались к нам, и у нас часто бывали музыкальные вечера. Да и вообще общество того времени на Кавказе отличалось множеством интересных людей, впоследствии прославившихся и в литературе, и в живописи, и в музыке. И все они бывали у нас».

В то время было принято заблаговременно заботиться о будущем своих детей. Поэтому еще при жизни отца, в 1857 году, четырехлетний Алексей был зачислен пажом к императорскому двору. Но до 14 лет он продолжал жить в Кутаиси, наслаждаясь любовью родственников, мягким климатом и теплым морем.

В 1867 году, когда Алексею исполнилось 14 лет, дядя отвез его в Петербург. Там Брусилов, выдержав экзамен, был определен в 4-й класс Пажеского корпуса.

Пажеский корпус представлял собой одно из самых привилегированных учебных заведений Российской империи. Он был учрежден 25 октября 1759 года по личному распоряжению Елизаветы Петровны для регулярного образования пажей. Тогда в штат корпуса входило всего 9 камер-пажей и 40 пажей. Возглавил корпус просвещенный швейцарец Чуди (Шуди) – философ и историк, переводивший на французский язык материалы для Вольтера, работавшего над «Историей Петра Великого». В программу обучения пажей входило изучение немецкого, латинского и французского языков, физики, географии, геометрии, алгебры, фортификации, истории, геральдики. Но позже решили, что такой подготовки будущей элиты российского общества явно недостаточно.

В 1765 году академиком Г.Ф. Миллером была составлена новая программа обучения пажей. В корпусе стали изучать математические и военные науки, философию, мораль, право, историю, географию, генеалогию, геральдику, юриспруденцию, государственный церемониал, русский и иностранные языки, каллиграфию, а также верховую езду, танцы и фехтование.

В царствование Александра I была проведена серьезная реорганизация Пажеского корпуса. В 1802 году он был преобразован в военно-учебное заведение по типу кадетских корпусов и приобрел чисто военную направленность.

Еще более серьезные изменения произошли при Николае I. Тогда комплект обучавшихся в корпусе был увеличен до 150 человек, и были изданы правила о порядке зачисления в пажи. В соответствии с этими правилами в Пажеский корпус зачислялись только дети лиц первых трех классов служилых людей России (не ниже генерал-лейтенанта или тайного советника) или внуки полных генералов. Редкие исключения из этого правила делались для детей старинных русских, польских или грузинских княжеских родов. Зачисление в Пажеский корпус производилось только по высочайшему повелению.

Обучение в корпусе длилось семь лет, в том числе два года в специальных классах. Пажи, не удовлетворявшие требованиям перевода в специальные классы, увольнялись с правами окончивших военные гимназии. В двух специальных классах проходили программу военных училищ. Воспитанники специальных классов, так же как и юнкера, считались военными служащими и при поступлении общую для армии военную присягу. В случаях крупной провинности они отчислялись в полки на положение вольноопределяющихся. Учащиеся корпуса именовались пажами, а звание камер-пажей имели обучавшиеся в старших классах, удовлетворявшие требованиям по успехам в науках и поведении. Камер-пажи помимо учебы несли придворную службу при особах императорской фамилии. Требования к воспитанникам корпуса были высокими. Знания оценивались объективно, вне зависимости от происхождения. Первые ученики при выпуске заносились золотом на белые мраморные доски почета, висевшие в актовом зале корпуса.

Преподавание в корпусе велось на высоком уровне. Там читали курс не только корпусные преподаватели, но приглашались профессора университета и высших военно-учебных заведений Петербурга. Ряд преподавателей корпуса являлись учителями особ царской фамилии.

Окончившие специальные классы разделялись на четыре разряда по итогам обучения и выпускались в офицеры: 1-й разряд – подпоручиками и корнетами в гвардию с получением на обмундирование 500 рублей; 2-й разряд – подпоручиками или корнетами в армейские части с одним годом старшинства и получением на обмундирование 225 рублей; 3-й разряд – с теми же чинами в армию без старшинства с получением на обмундирование 225 рублей; 4-й разряд – унтер-офицерами в армию на шесть месяцев с дальнейшим производством в офицеры при наличии в части вакансии.

За свою историю Пажеский корпус неоднократно менял свой адрес в Санкт-Петербурге. И только в 1810 году он обрел постоянный адрес по улице Садовой, где в середине XVIII века по заказу князя М.И. Воронцова был построен дворец по проекту архитектора Растрелли. В 1763 году дворец и прилегающий к нему участок были проданы в казну, а в 1797 году дворец приобрел Павел I и пожаловал его Мальтийскому рыцарскому ордену госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского, магистром которого он стал. Тогда же по поручению Павла I архитектор Д. Кваренги пристроил к дворцу Мальтийскую капеллу и в левом крыле дворца создал православную домовую церковь.

Выпускники Пажеского корпуса на груди носили специальные знаки с изображением белого мальтийского креста. Но это был официальный знак, а неофициально выпускники носили особые перстни из стали и золота, на которых была надпись «№ из 30» (порядковый номер выпускника в соответствии с успехами в учебе) и год выпуска. Сочетание металлов перстня было не случайным, ибо пажи выбрали своим девизом девиз рыцарского ордена тамплиеров: «Чист, как золото, тверд, как сталь». По этим кольцам, которые не снимались с руки всю жизнь, выпускники узнавали друг друга. Независимо от года выпуска или чина они говорили друг другу «ты». Если бывший питомец делал головокружительную карьеру, он помогал своим сотоварищам продвинуться по службе, оказывая протекцию и всяческую поддержку.

Алексей Брусилов, по его словам, быстро вошел в жизнь корпуса. В Петербурге ему жилось неплохо. В увольнении он ходил к двоюродному брату своего дяди графу Юлию Ивановичу Стембоку, который являлся директором департамента уделов. Его дом посещали многие известные в то время люди. «Видел я там по воскресным дням разных видных беллетристов: Григоровича, Достоевского и многих других корифеев литературы и науки, которые не могли не запечатлеться в моей душе», – позже вспоминал Брусилов. В то же время он признавался, что учился он не особенно прилежно. «Те науки, которые мне нравились, я усваивал очень быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, я изучал неохотно и только-только подучивал, чтобы перейти в следующий класс». Но это не всегда удавалось, и после пятого класса, не выдержав переводного экзамена, он был оставлен на второй год.

Но помогли связи в высших кругах петербургского общества – вместо того, чтобы просить штаны еще год в пятом классе, Алексею Брусилову был предоставлен годичный отпуск, и он уехал на Кавказ к дяде и тете. Там он начал усиленно заниматься с преподавателями, вернувшись в корпус через год, минуя шестой класс, выдержал экзамен прямо в специальный класс, где учиться было намного интереснее. Там преподавались военные науки, к которым Алексей Брусилов имел большую склонность. Кроме того, пажи специальных классов помимо воскресенья отпускаясь в увольнение два раза в неделю, а в летнее время выезжали в лагерь в Красное Село, где в составе учебного батальона участвовали в маневрах и различных военных упражнениях.

Сам Алексей Алексеевич о времени, проведенном в Пажеском корпусе, в своих «Воспоминаниях» пишет очень сдержанно. Объяснить это довольно сложно. Одна версия заключается в том, что вспоминать было нечего, другая – что перед автором стояли совершенно другие

задачи. Поэтому хочу предложить читателю отрывки из воспоминаний другого выпускника этого учебного заведения, графа А.А. Игнатьева, изложенные им в книге «Пятьдесят лет в строю». Он пишет, что сразу же после поступления в корпус стал свидетелем царивших там порядков:

«В конце спальной стоял, небрежно опираясь на стол, дежурный по роте камер-паж, и перед ним в затылок стояли мы, “звери”, являвшиеся к дежурному: одни – ввиду прибытия, другие – для увольнения в отпуск.

В гробовой тишине раздавались четыре четких шага первого из выстроенных, короткая формула рапорта, а затем, с разными оттенками в голосе, крикливые замечания:

– Близко подходите!

– Плох поворот!

– Каска криво!.. Тихо говорите! – И опять: – Плох поворот! Наконец торжественный приговор:

– Явиться на лишнее дневальство. – После повторялась та же церемония перед фельдфебелем Бобровским. Вся моя кадетская выправка оказалась недостаточной. Окрики и замечания сыпались на меня как горох, и вскоре после поступления я насчитал тридцать лишних дневальств.

Главной ловушкой было хождение в столовую. Впереди шел вразвалку, не в ногу старший класс, а за ним, твердо отбивая шаг, даже при спуске с лестницы, где строго карался всякий взгляд, направленный ниже карниза потолка, шли мы, “звери”, окруженные стаей камер-пажей, ждавших случая на нас прикрикнуть. Кого-то осилила мысль – в небольшом проходном зале поставить модель памятника русско-турецкой войне. По уставу – воинские части при прохождении мимо военных памятников были обязаны отдавать честь, и мы, напрягая слух, четыре раза в день ждали команды “Смирно!”, по которой руки должны были прилипнуть к канту штанов, и за поднятую лишний раз руку окрик был неминуем.

Но хуже всех доставалось дневальным, которые в каске и при тяжелом казенном тесаке, подтянутом до отказа, чтоб не отвисал, сновали целые сутки по роте. Их главной обязанностью было объявлять громким голосом распоряжения дежурного камер-пажа и, между прочим, после каждой перемены кричать: “Младшему классу – в классы” – не только в жилых помещениях и курилке, но даже в пустом ватерклозете...

Вне стен корпуса испытания не кончались. Обязанные отдавать честь старшему классу, мы оглядывались не только по сторонам, но и назад, боясь пропустить камер-пажа, катящего на лихом извозчике...

Главным отличием от кадетских корпусов являлось то положение, что раз ты надел пажеский мундир, то уже наверняка выйдешь в офицеры, если только не совершишь уголовного преступления. Поэтому наряду с несколькими блестящими учениками в классе уживались подлинные неучи и тупицы...

Если быт и нравы Пажеского корпуса сильно меня разочаровали, то учебная часть оставила о себе самые лучшие воспоминания. Система уроков была заменена в специальных классах лекциями и групповыми репетициями, на которых сдавались целые отделы курсов. Для преподавания были привлечены лучшие силы Петербурга, и подготовка, полученная в корпусе, оказалась по военным предметам вполне достаточной для поступления впоследствии в Академию генерального штаба. Главным предметом была тактика... затем шли артиллерия, фортификация, топография, а на старшем курсе – военная история... Из общих предметов на младшем курсе камнем преткновения для большинства пажей, но не для бывших кадет, были механика и химия. В специальных классах преподавался курс истории французской и немецкой литературы, а многие пажи писали сочинения с той же почти легкостью, что и на русском языке...

В старшем классе строевая подготовка разделялась по родам оружия: пехота производила в белом зале или во дворе ротные учения в сомкнутом строю; кавалеристы в манеже, под руководством инструктора-офицера кавалерийской школы, проходили полный курс езды, рубки и вольтижировки, а артиллеристы были заняты службой при орудии и верховой ездой».

Алексей Брусилов закончил Пажеский корпус в июле 1872 года. На выпуске присутствовал сам император, все было обставлено весьма торжественно.

Итак, первый этап жизни будущего полководца был завершен, причем весьма недурно. Выпускники Пажеского корпуса в Российской империи считались в то время элитой, нацеленной на блестящую военную и гражданскую карьеру. Достаточно напомнить, что помимо А.А. Брусилова Пажеский корпус дал русской армии таких известных в свое время военачальников, как П.В. Гурко, А.М. Драгомиров, Г.М. Ванновский, М.М. Скалон, В.И. Ромейко-Гурко, Ф.Е. Келлер и многих других. Из его стен вышли такие известные государственные и политические деятели, как лидер октябристов М.В. Родзянко, гетман Украины П.П. Скоропадский, председатель Совета Министров России в 1916 году А.Ф. Трепов и др.

Корпус окончили в свое время видный географ и геолог П.А. Кропоткин, историк (директор Публичной библиотеки) И.К. Шильдер, профессор военной академии П.И. Головин. Здесь учились поэты Е.А. Баратынский, Р.Н. Дорохов, А.Н. Креницин, Ф.П. Цицианов, Я.Н. Толстой, композитор Ф.М. Толстой (автор музыки на слова Пушкина «Я вас любил» и др.), сыновья А.С. Пушкина – Александр и Григорий.

В то же время в стенах корпуса всегда витал дух нелюбви к существующей власти, который порождал среди его питомцев вольнодумство и даже склонность к заговорам. В Пажеском корпусе также воспитывались и люди, затем ставшие противниками самодержавия. В их числе были декабристы П.И. Пестель, В.П. Свистунов, В.П. Ивашев, И.П. Коновницын, В.Л. Лукашевич, Л.П. Луцкий, А.М. Миклашевский, В.А. Мусин-Пушкин, Н.В. Шереметев. Многие выпускники корпуса знали о тайных обществах и сочувствовали идеям будущих декабристов, но только один из бывших пажей – поэт и переводчик Яков Иванович Ростовцев – доложил о готовящемся восстании Николаю I. Это обеспечило ему блестящую карьеру, а его детям графское достоинство. Другой выпускник корпуса, полковник кавалергардского полка В.И. Пестель (брат декабриста), во время восстания на Сенатской площади находился среди правительственных войск, за что получил «монаршую признательность» и также сделал блестящую карьеру.

Боевое крещение

По окончании Пажеского корпуса 17 июля 1872 года А.А. Брусилов был выпущен в чине прапорщика и получил назначение в 16-й драгунский Тверской Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича полк, дислоцировавшийся в Закавказье, в урочище Царские Колодцы Тифлисской губернии. Позже в своих мемуарах он писал: «Пажи имели в то время право выбирать полк, в котором хотели служить, и мой выбор пал на Тверской полк вследствие того, что дядя и тетка рекомендовали мне именно этот полк, так как он ближе всех стоял к месту их жительства. В гвардию я не стремился выходить вследствие недостатка средств».

Последнее было сказано не для «красного словца». Гвардия дислоцировалась в основном в Санкт-Петербурге. На смотры и парады приезжали император, члены правительства, высший генералитет. Любая ошибка в форме одежды считалась дисциплинарным проступком. Затем балы в Зимнем дворце, где гвардейские офицеры также должны были присутствовать, посещения театров, извозчики и т. д. – все требовало денег, и далеко не все имели необходимые средства. Поэтому в гвардию стремились попасть только богатые, чьи родители владели крупными поместьями или занимали высокие государственные должности. Брусилов, вполне понятно, к таким не относился.

Возвращение на Кавказ для Брусилова было памятно еще одним событием. Об этом он пишет следующим образом: «Вернувшись опять на Кавказ, уже молодым офицером, я был в упоении от своего звания и сообразно с этим делал много глупостей, вроде того, что сел играть в карты с незнакомыми людьми, не имея решительно никакого понятия об этой игре, и проигрался вдребезги, до последней копейки. Хорошо, что это было уже недалеко от родного дома и мне удалось занять денег благодаря престижу моего дяди».

Тверской драгунский полк вел свою историю с 1798 года. В 1805 году он участвовал в сражении при Аустерлице. Затем принимал участие в русско-турецкой войне (1806–1812 годов), Отечественной войне 1812 года, Заграничных походах русской армии 1813–1815 годов, подавлении польского мятежа 1830–1831 годов. После этого, находясь уже в Закавказье, полк участвовал в Крымской войне 1853–1856 годов, осуществив штурм Карса. В последние годы Кавказской войны, вплоть до 1864 года, полк имел постоянные стычки с горцами. За боевые отличия полк имел Георгиевский полковой штандарт с надписями: «1798–1898» и «За отличные подвиги в сражении при Курюк-Дара 24 июля 1854 года».

К моменту приезда Брусилова полк состоял из 4 действующих и одного запасного эскадронов. Шефом полка был великий князь Николай Николаевич (Старший). Командовал полком до ноября 1874 года полковник барон Ф.Е. Мейендорф, а затем, до конца 1877 года, – полковник В.Н. Хлебников.

Офицеры полка вели достаточно вольную жизнь: пьянки, дуэли, женщины, театр, поездки в гости к местным аристократам, другие развлечения. Сам Брусилов, вспоминая о том времени, признается: «Мы не блистали ни военными знаниями, ни любовью к чтению, самообразованием не занимались, и исключений среди нас в этом отношении было немного». Сам он к ним не относился. Тем не менее карьера молодого офицера складывалась удачно, а 2 апреля 1874 года он был произведен в поручики.

В то же время сам молодой офицер вел довольно свободный образ жизни: кутежи, балы, приемы у местных богачей, ухаживание за женщинами. Доходило и до более серьезных проступков. Так, в его послужном списке указывается, что «за принятие на себя обязанности быть посредником поединка, окончившегося смертью одного из противников» 22 августа 1874 года решением военного суда Брусилов был приговорен к содержанию под арестом на тифлисской гауптвахте сроком на два месяца. Правда, тут же имелась приписка о том, что «наказание это

не может считаться препятствием к наградам и преимуществам по службе». И это так. 14 июля следующего года его утвердили в должности полкового адъютанта. В то время человек, занимавший эту должность, являлся как бы первым помощником (начальником штаба) командира полка и имел большое влияние на жизнь части.

12 апреля 1877 года Россия вступила в войну с Турцией. Главным театром военных действий были Балканы. Но бои также развернулись и в Закавказье. Общее руководство действиями русских войск на Кавказе возлагалось на 45-летнего великого князя Михаила Николаевича, к тому времени уже 15 лет состоявшего наместником императора на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа. За годы, проведенные на Кавказе, Михаил Николаевич хорошо изучил подчиненный ему край и находившиеся там войска.

В распоряжении великого князя на Кавказе имелось всего семь дивизий, три из которых предназначались для поддержки порядка среди мусульманского населения края. Остальные четыре были выдвинуты к турецкой границе, где создали две группировки: Кабулетский отряд и так называемый Действующий корпус. Последний, насчитывавший 50 тысяч пехоты и сабель при 152 орудиях, должен был наступать на 350-километровом фронте, нанося главные удары на Ардаган, Карс и Баязет, а далее – на Эрзерум. Командование этим корпусом было поручено генерал-лейтенанту М.Т. Лорис-Меликову. 16-й драгунский Тверской полк как раз и входил в состав этого соединения.

К началу военных действий на Кавказе русским войскам противостояли незначительные силы противника, также расчлененные на два отряда. Батумский отряд, насчитывавший 25 тысяч человек, под командованием Дарвиша-паши, должен был действовать на приморском направлении. Главная армия из 29 тысяч человек составляла гарнизоны Ардагана, Карса и Баязета. Ее командующим и одновременно главнокомандующим всеми турецкими силами в районе Кавказа был Мухтар-паша.

В день объявления войны соединения Действующего корпуса пересекли турецкую границу. Противник был застигнут врасплох. Мухтар-паша, оставив в Карсе 10-тысячный гарнизон, остальные силы отвел к Эрзеруму. Этот маневр, осуществлявшийся турецкими войсками с различных направлений, в случае быстрого фронтального наступления русских соединений мог закончиться катастрофой. Однако Лорис-Меликов не проявил должной решительности и распорядительности. Более того, без особой необходимости он остановил наступавшие войска на подступах к Карсу на месяц, подарив тем самым турецкому командованию время, необходимое для перегруппировки сил и укрепления обороны.

Полк, в котором служил А. Брусилов, в конце апреля 1877 года принял участие в рекогносцировке в районе Карса, а 5 мая он участвовал в штурме Ардагана. Из его 5-тысячного гарнизона 1750 турок были перебиты главным образом огнем артиллерии, 400 пленены, а остальные спаслись бегством. В крепости было захвачено 92 орудия. Потери русских войск составили 69 человек убитыми и 364 ранеными.

После взятия Ардагана Лорис-Меликов собрал военный совет для выработки плана дальнейших действий. На нем он настойчиво проводил мысль о недостатке сил для одновременной осады Карса и наступления на Эрзерум. Генерал предлагал ограничиться только осадой Карса. Такая нерешительность высшего русского командования позволила противнику создать 30-тысячную группировку для деблокады осажденного Карса. Русские были вынуждены снять осаду крепости и отойти на свою территорию.

Отход главных сил русских войск из территории Турции придавал уверенность турецкому командованию, которое решило перенести военные действия в Закавказье. 2 июля 35-тысячная армия Мухтара-паши при 56 орудиях начала наступление на Александрополь.

Активность турок сильно встревожила наместника. Великий князь лично выехал в войска вместе со своим начальником штаба генерал-майором Н.Н. Обручевым. На угрожаемое направление в срочном порядке была выдвинута группировка из 30 тысяч человек при 120

орудиях. 7 июля она встретила неприятеля на Аладжирских высотах. В ее составе был и 16-й драгунский Тверской полк.

Противники застыли друг против друга, не решаясь начать наступление. К середине сентября на Аладжирских позициях против 40 тысяч турецких воинов и 96 орудий русские имели 60 тысяч человек и 218 орудий. Это позволило русскому командованию действовать более решительно.

Сражение началось 20 сентября и продолжалось трое суток. Оно закончилось безрезультатно. Турки, потеряв около 5 тысяч человек убитыми и ранеными, удержали занимаемые позиции. При этом потери русских составили 530 человек убитыми, 3150 ранеными и 86 пленными. Это было самое кровопролитное сражение, произошедшее на Кавказе в ту войну.

27 сентября турецкие войска начали отход на свою территорию. Михаил Николаевич, узнав об этом, двинулся следом. Его войска 3 октября настигли, атаковали и нанесли поражение противнику в сражении при горе Авлиар, где неприятель лишился 15 тысяч человек убитыми и ранеными, 7 тысяч пленными и 35 орудий. Потери русских составили 121 человек убитыми и 1114 ранеными. Так Анатолийская армия оказалась рассеченной надвое. Ее правое крыло оказалось в кольце окружения. После этого левый фланг турок в панике начал беспорядочное отступление к крепости Карс, под защиту ее стен. За одержанную победу великий князь был награжден орденом Св. Георгия 1-й степени. Но главнокомандующий не смог до конца использовать плоды одержанной победы, так как преследование отходящего противника началось только на третий день.

Примечательно, что в этом сражении русские впервые широко использовали для управления войсками телеграф. Такой новинкой военной техники их противник пока не обладал.

После этого 16-й драгунский Тверской полк в составе других войск был снова направлен к Карсу. В то время командование Карским отрядом, насчитывавшем 32 тысячи человек при 146 орудиях, был поручен 57-летнему генерал-лейтенанту И.Д. Лазареву. Этот военачальник, выходец из карабахских армян, почти 40 лет прослужил на Кавказе и хорошо знал этот регион. В сражении при Авлиаре он руководил действиями обходящего отряда, решившего успех операции.

14 октября русские войска блокировали Карс с гарнизоном в 25 тысяч человек при 303 орудиях. Завершив подготовительные работы, в ночь на 6 ноября 1877 года Лазарев повел соединения на штурм крепости. Карс пал в тот же день. В крепости было обнаружено 3 тысячи убитых и 5 тысяч раненых и больных турок. Еще 17 тысяч человек, в том числе 5 пашей и 800 офицеров, сдались в плен. Урон русских войск при осаде и штурме крепости составил 488 человек убитыми и 1788 ранеными.

После взятия Карса меньшая часть осадного корпуса была направлена к Эрзеруму, где обстановка складывалась для русских не совсем удачно. Эрзерумский отряд в 18 тысяч человек при 98 орудиях под командованием генерал-лейтенанта Геймана 12 октября настиг 5-тысячный отряд противника на Зевинских позициях. Несмотря на большое численное превосходство и полное отсутствие у турок артиллерии, Гейман не решился на атаку и остановил свои войска, позволив противнику отойти к Эрзеруму и укрепиться в том районе.

21 октября Гейман, дождавшись прибытия войск из-под Карса, принял, как старший по званию, общее руководство силами в 25 тысяч человек при 90 орудиях. Через два дня он атаковал турок на позициях при Даве-Бойну и нанес им поражение. Неприятель лишился убитыми и ранеными около трех тысяч человек, стольких же пленными и всех 43 орудий. Потери русских в сражении составили 129 человек убитыми и 800 ранеными. Остатки вражеских войск бросились в Эрзерум, сея панику. Население крепости, не надеясь на силу оружия, открыло ворота и стало ждать прихода победителей, но их все не было...

Из-за своей нерешительности Гейман вновь упустил победу. Трое суток русские войска бесцельно простояли в 20 верстах от крепости, позволив турецкому командованию восстано-

вить утерянное управление и подготовиться к обороне. Только в конце дня 27 октября части Кавказской армии подошли к Эрзеруму и практически с ходу начали штурм крепости. Он был отражен с потерей около 600 человек убитыми, ранеными и пленными. Убедившись таким образом в силе турок, Гейман снял осаду и отвел войска на зимовку в Пассианскую долину. Вскоре туда же прибыли резервы из-под Карса. Это неустроенное место стало гибельным для россиян. Вспыхнула эпидемия тифа, в числе многочисленных жертв которой стал и неудачливый генерал Гейман.

Несмотря на промахи и неудачи высшего командования, Алексей Брусилов воевал храбро. Несколько раз он оказывался в самой гуще сражений. В одном из боев под молодым поручиком была убита лошадь. За боевые заслуги 29 октября 1877 года А.А. Брусилов был произведен в штабс-капитаны, а к концу войны его грудь украсили три ордена: Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 2-й степени с мечами.

Таким образом, мы имеем полное право сделать вывод о том, что первое боевое крещение Алексей Брусилов прошел достойно. В то время награждение офицера боевым орденом означало не только его личное мужество, но также давало ему и большие перспективы по службе. Перед Брусиловым, получившим три ордена, открывались большие возможности, которые ему оставалось успешно реализовать.

Офицерские университеты

После войны А.А. Брусилов продолжал служить в 16-м драгунском Тверском полку, который в сентябре 1879 года через Тифлис вернулся обратно в Царские Колодцы, в свои прежние казармы. В то время полк получил задачу частью сил готовиться в поход в Среднюю Азию для завоевания туркменского Ахал-Текинского оазиса. Поручик Алексей Брусилов был включен в состав экспедиционного корпуса, но поход через жаркую пустыню не прельщал Алексея Алексеевича. «Мне надоело все одно и то же, и после войны начинать опять старую полковую жизнь я находил чрезмерно скучным, – пишет он в своих мемуарах. – Поэтому следующим летом я постарался уехать на воды в Ессентуки и Кисловодск, так как чувствовал себя не совсем здоровым... Я был назначен в состав этой экспедиции и хотел поправиться настолько, чтобы здоровье не помешало мне принять в ней участие».

Отпуск для офицера в то время был большой роскошью. Во время отпуска не выплачивалось жалованье, а время отпуска не засчитывалось в стаж его службы. Тем не менее Брусилов, находясь в Кисловодске, заболел и дал знать об этом командиру дивизии генералу Шереметьеву, отдыхавшему там же. Тот принял решение об отстранении его от участия в экспедиции. Брусилов оставался на водах до осени 1879 года, после чего вернулся в полк, один из эскадронов которого уже ушел в поход.

15 ноября 1879 года поручик А.А. Брусилов был назначен начальником полковой учебной команды, и в этом качестве он прослужил два года.

Полковая учебная команда представляла собой школу подготовки унтер-офицерских кадров для полка. Надо понимать, что любой деревенский парень в то время, безусловно, умел обращаться с лошадью. Но, будучи призванным на действительную военную службу, он должен был познать все премудрости конного строя и научиться обращаться с оружием кавалериста прежде, чем попасть в свое подразделение. Этому-то его и учили унтер-офицеры, которые, по сути, были первыми наставниками для любого солдата.

Личный состав учебной команды делился на постоянный и переменный. К постоянному относились офицеры, унтер-офицеры и ефрейтора как состоящие в штате учебной команды, так и прикомандированные к ней. К переменному составу относились нижние чины, которые проходили обучение.

Начальником команды назначался один из капитанов полка, по избранию командира части. Он утверждался в этой должности начальником дивизии или лицом, равным ему по власти, и пользовался всеми правами и преимуществами ротного командира. Начальник команды являлся ответственным за внутренний порядок, воспитание и подготовку состава команды, а также за хозяйство. Он руководил деятельностью обер-офицеров команды, назначая каждому один из взводов в постоянное командование и поручая каждому общие для всей команды отделы: обучения, внутреннего порядка и хозяйства. Командир части лично следил за занятиями в команде. Но непосредственное наблюдение он поручал одному из штаб-офицеров.

Для поступления в учебную команду кандидаты сдавали экзамены. Для их сдачи с предназначенными в команду молодыми солдатами в ротах велись особые занятия под непосредственным руководством командиров рот.

В конце февраля начинался приемный экзамен в учебную команду. В состав комиссии по приему экзаменов входили специально назначенный старший офицер, все офицеры постоянного состава команды, а также по одному ротному командиру от батальона. К экзамену допускались лишь физически совершенно здоровые нижние чины, для чего предварительно производился полный медицинский осмотр. Испытуемый должен уметь читать и списывать с книги, знать сложение и вычитание простых чисел, до трехзначных включительно, а в военном отно-

шении уметь стрелять и владеть штыком. Также сдавались экзамены по строевой подготовке и гимнастике.

Само обучение продолжалось в течение одного года. Сам курс разделялся на два периода: с 1 марта по 1 сентября время посвящалось теоретическому и практическому усвоению всех сведений, необходимых для унтер-офицера, с 1 сентября по 15 ноября основное внимание уделялось привитию навыков обучения молодых солдат.

Таким образом, подготовка младших командиров в царской армии существенно отличалась от того, как они готовились в Советской армии. Будущий унтер-офицер выбирался каждым ротным командиром лично, а не приобретался в готовом виде из какой-то там «учебки». Каждый унтер-офицер воспитывался и обучался в своем родном полку или отдельном батальоне и оставался порой там же на сверхсрочную службу, уже прочно срастаясь со службой и с родным полком. Естественно, что такому человеку можно было доверить обучение и воспитание нижних чинов. Но и к начальнику учебной команды это предъявляло особые требования.

Капитан А.А. Брусилов, став начальником учебной команды, быстро начал меняться в своем отношении к службе. Теперь это был уже не тот бесшабашный корнет, который напропалую пил и гулял с офицерами полка, и даже не тот поручик, который бесстрашно вел в бой своих подчиненных на турецкие позиции. От самолюбования и порыва он постепенно начал постигать умение кропотливой повседневной работы, нацеленной на отдаленный результат. Он становился воспитателем кадров и отвечал за этих людей не только во время их нахождения в составе учебной команды, но и после ее окончания. Полковая учебная команда стала своеобразной школой для него самого, а он – прилежным руководителем этой школы. Именно состоя в качестве начальника полковой учебной команды, Брусилов был произведен в ротмистры.

Правда, в своих мемуарах по поводу этих двух лет службы он пишет несколько пренебрежительно. «До 1881 года я продолжал тянуть лямку в полку, жизнь которого в мирное время, с ее повседневными сплетнями и дразгами, конечно, была мало интересна. Разве только охота на зверя и птицу – великолепная, обильная, в чудесной горной лесистой местности – несколько развлекала» (Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963. С. 33).

В 1881 году Брусилов решил перевестись в Кутаисский иррегулярный конный полк с тем, чтобы быть ближе к своим родственникам. Но дядя Карл Гагемайстер настойчиво рекомендовал племяннику для успешного продолжения военной карьеры, записаться в этот Учебный кавалерийский эскадрон. Правда, сам Брусилов пишет, что это предложение он получил от командира Тверского полка.

Итак, 7 октября 1881 года ротмистр А.А. Брусилов приехал в Санкт-Петербург в связи с зачислением в Учебный кавалерийский эскадрон. Этот эскадрон вел свою историю с 22 апреля 1809 года, когда он был создан с целью более качественной подготовки кавалерийских начальников в Павловске. Но в 1875 году, после того как генерал-инспектором кавалерии (Главнo-командующим. – *Авт.*) русской армии был назначен брат императора великий князь Николай Николаевич (Старший), по его просьбе этот эскадрон был переведен из Павловска в Санкт-Петербург. В эскадрон сроком на два года откомандировывались младшие офицеры, а по окончании учебы возвращались в свои полки кандидатами на должности командиров сотен и эскадронов.

Алексей Алексеевич, как выпускник Пажеского корпуса, имел достаточно много знакомых в столице и легко вошел в коллектив эскадрона. 15 декабря того же года он был произведен в капитаны.

14 марта 1882 года по ходатайству нового генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича (Младшего) – сына Николая Николаевича (Старшего) учебный кавалерийский эскадрон был переформирован в Офицерскую кавалерийскую школу. Обучение в этой школе ставилось настолько высоко, что даже все выпускники Николаевской академии Генерального штаба перед назначением на должность командира эскадрона должны были

пройти специальный одногодичный курс обучения в Офицерской кавалерийской школе. Николай Николаевич, объясняя императору это требование, якобы сказал:

– Они академики в пешем строю. А попади в кавалерию, они мне все эскадроны попортят.

Офицерская кавалерийская школа размещалась в Петербурге в Аракчеевских казармах на Шпалерной улице, вблизи Смольного монастыря. Перед руководством школы стояла задача «подготавливать офицеров кавалерии и казачьих войск к командованию эскадроном или сотнею, давая им средства для усовершенствования их специального образования (теоретического и практического), согласно с общим ходом развития кавалерийского дела по всем его отраслям, равно способствовать этим же путём к поддержанию во всех кавалерийских частях необходимого единства в применении Высочайше утвержденных для них правил службы, а также способствовать к усвоению во всей кавалерии однообразных приёмов строевой езды и выездки лошадей». Первым начальником Офицерской кавалерийской школы был генерал-майор И.Ф. Тутолмин.

Кроме офицеров в кавалерийскую школу принимали также и нижних чинов, незначительное число которых набирали в драгунский отдел и учебную кузницу. В драгунский отдел командировались унтер-офицеры и рядовые второго и третьего года службы (по одному от каждого двух кавалерийских полков), хорошо ездящие верхом, грамотные и преимущественно из успешно окончивших полковую учебную команду. В числе лиц, окончивших драгунский отдел Офицерской кавалерийской школы, был и будущий видный советский военачальник Семен Буденный.

И все же главной задачей школы было повышение профессиональной квалификации офицеров-кавалеристов. Их прием в школу производился ежегодно 1 октября без особых экзаменов в количестве около 60 человек. Учебный курс для офицеров продолжается почти два года. Теоретический курс преподавания включал изучение правил верховой езды и порядка воспитания и выездки лошадей. Помимо этого изучались история конницы, тактика этого рода войск, устройство ручного оружия, основы телеграфного дела, способы разрушения маршрутов сообщения, а также иппология и правила ковки лошадей. В список практических занятий входили решение тактических задач на планах, глазомерная и маршрутная съемка местности, решение тактических задач на местности, а также верховая езда, дальние марш-броски, а под конец – парфорсная охота.

Но реально в вопросах прохождения службы Офицерская кавалерийская школа давала многое. По окончании курса обучения офицеры возвращались в свои части и принимали первый освободившийся эскадрон или сотню, даже если в части были другие офицеры, старшие по чину, но не прошедшие обучение в школе.

В связи с зачислением в Офицерскую кавалерийскую школу, 12 сентября 1882 года Брусилов, подчеркивая свое прямое отношение к кавалерии, по личному ходатайству был «переименован» с капитанов в ротмистры. 12 августа 1883 года он завершил обучение в этой школе, успешно сдав выпускные экзамены. По выпуску ему был пожалован орден Святой Анны 2-й степени.

Кавалерийская школа

После окончания учебы ротмистр Алексей Брусилов, опять-таки по протекции влиятельных родственников, в отличие от других офицеров, не покинул столицу, а был назначен в Офицерскую кавалерийскую школу на должность адъютанта ее начальника. В начале 1886 года генерал И.Ф. Тутолмин был назначен начальником Кавказской кавалерийской дивизии, а вместо него начальником школы был назначен полковник В.А. Сухомлинов – будущий военный министр.

Через несколько лет службы в Офицерской кавалерийской школе Брусилов был назначен начальником ее офицерского отдела (факультета). В это же время он, по совместительству, занимался организацией верховой езды учеников Пажеского корпуса. Его заслуги в 1895 году были отмечены орденом Святого Владимира 4-й степени.

В середине апреля 1897 года генерал-майор В.А. Сухомлинов был назначен на другую должность, а руководство Офицерской кавалерийской школой принял генерал-лейтенант Александр Александрович Авшаров (Агаси-бек Авшаров). Брусилов его характеризовал следующим образом: «Человек с виду добродушный, но с азиатской хитрецей», который «вследствие ли старости или свойств характера не отличался особым рвением к службе и везде, где мог, старался доставить мне неприятности и затруднения. В сущности, во внутреннем порядке школы всем управлял я, а он был как бы шефом, ничего не делающим и буквально бесполезным. Он старался как будто бы и дружить со мной, но одновременно выказывал большую хитрость, заявляя всем начальствующим лицам, а в особенности великому князю Николаю Николаевичу, что управляет всей школой он и что ему необыкновенно трудно управлять мною и моими помощниками». При этом великий князь Николай Николаевич отлично знал, в чем дело, но потому что Авшаров имел при дворе большие связи, был вынужден делать вид, что верит генералу.

К тому времени авторитет Брусилова среди кавалеристов был уже достаточно высоким. Среди его учеников было немало известных и влиятельных в то время людей. В 1898 году Алексей Алексеевич награждается орденом Святого Владимира 3-й степени, а когда в сентябре 1898 года для выпускников школы был учрежден специальный нагрудный знак – один из первых его образцов, изготовленный ювелиром по специальному заказу великого князя Николая Николаевича, лично им был вручен Брусилову. В ноябре того же года Алексей Алексеевич был назначен помощником (заместителем) начальника школы, а в 1900 году он производится в генерал-майоры.

Однако его триумф в области подготовки кавалерийских кадров произошел 10 февраля 1902 года, когда Брусилов был назначен начальником Офицерской кавалерийской школы. За предыдущие годы к этой должности он был настолько подготовлен, что никто из офицеров школы не заметил каких-то резких перемен, притом что эффективность занятий стала значительно выше. Позже К. Маннергейм, служивший в школе под началом Брусилова перед Русско-японской войной, вспоминал: «Он был внимательным, строгим, требовательным к подчиненным руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя интересными». И это так. Уже первая проверка школы комиссией генерал-инспектора кавалерии в 1903 году прошла успешно. В ее итоговом акте было указано, что «подготовка кавалерийских офицеров в школе поставлена на высочайший уровень». По итогам этой проверки Брусилов был удостоен ордена Святого Станислава 1-й степени.

Нужно отметить, что в Офицерской кавалерийской школе в разное время служили и учились такие известные личности, как генералы Петр Врангель, Петр Краснов, Карл Маннергейм, Алексей Игнатьев.

Сам Брусилов в своих мемуарах пишет:

«Все эти годы моей петербургской жизни протекали в кавалерийских занятиях Офицерской школы, скачках, всевозможных конкурсах, парфорсных охотах, которые позднее были мною заведены сначала в Валдайке, а затем в Поставах, Виленской губернии. Считаю, что это дело было поставлено мною хорошо, на широкую ногу, и принесло значительную пользу русской кавалерии. Охоты эти производились с большими сворами собак, со строевыми лошадьми, прекрасно выдержанными, проходившими громадные расстояния без всякой задержки. Время это – одно из лучших в воспоминаниях многих и многих кавалеристов, и сам я вспоминаю эти охоты – создание моих рук – с большой любовью и гордостью, ибо много мне пришлось преодолеть препятствий, много мне вставляли палок в колеса, но я упорно работал, наметив себе определенную цель, и достиг прекрасных результатов».

Правда, были и другие мнения по вопросам постановки процесса подготовки кавалеристов в этой школе. Так, в частности, граф А.А. Игнатьев, также обучавшийся в Офицерской кавалерийской школе, пишет, что за время руководства ею А.А. Брусиловым она была «коренным образом преобразована и успела уже заслужить репутацию мало приятного учреждения. В ней впервые в России были применены мертвые барьеры, врытые в землю, и особенно пугали так называемые парфорсные охоты. Двухлетний курс школы проходили около ста офицеров кавалерийских полков, а на охоты командировались, кроме того, ежегодно все кандидаты на получение командования полком. Стонали бедные кавалерийские полковники, вынужденные скакать на этих охотах верст десять – двенадцать по пересеченной местности, многие уходили в отставку, не перенеся этого испытания».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.